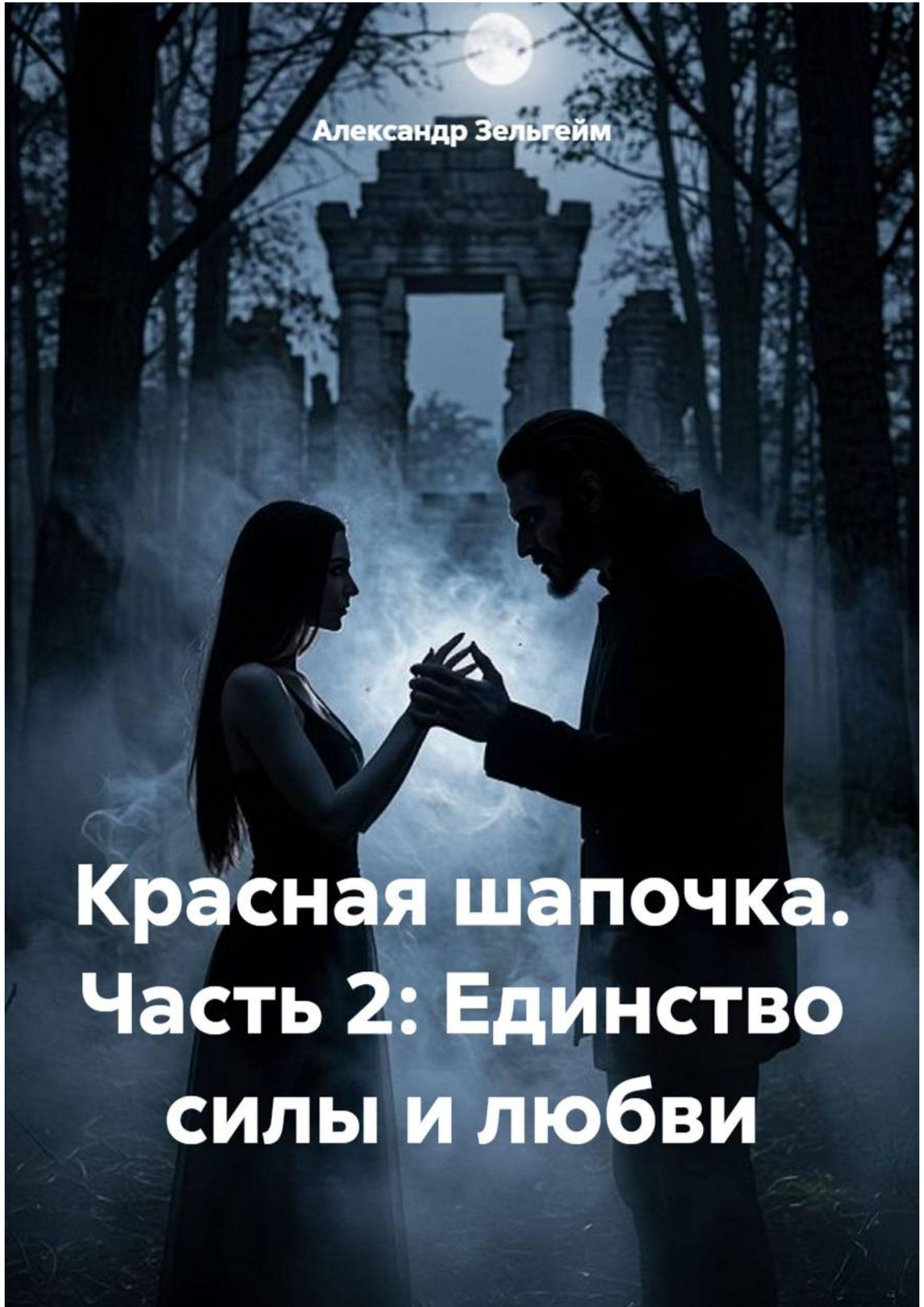

Александр Зельгейм

Красная шапочка. Часть 2: Единство силы и любви

Александр Зельгейм

**Красная шапочка. Часть
2: Единство силы и любви**

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Красная шапочка. Часть 2: Единство силы и любви /

А. Зельгейм — «Автор», 2026

Она — вампир, он — оборотень. Они прошли через ритуал, соединивший их природы, и думали, что самое трудное позади. Но мир не готов принять их любовь. Орден Истинного Порядка объявляет на них охоту, а бабушка Лейла попадает в плен. Чтобы спасти её, Алиса и Дамир должны войти в Цитадель Серебряного Клинка — логово врагов — и доказать, что сила без любви — это насилие, а любовь без силы — бессилие. Им предстоит встретиться с Верой — полукровкой, потерявшей мужа; с Магистром — палачом, который убил свою семью и теперь ищет прощения; с Ульфом — фанатиком, который не верит в мир. И с собственными страхами. Смогут ли они построить школу для полукровок, где дети не будут бояться себя? Или мир снова выберет ненависть? «Красная Шапочка. Единство силы и любви» — вторая книга цикла. Это философская притча о том, что настоящая сила рождается только в союзе с любовью. И о том, что даже самые глубокие раны можно исцелить, если есть желание понять другого.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Зельгейм

Красная шапочка. Часть 2: Единство силы и любви

Глава

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ: СИЛА И ЛЮБОВЬ

Пролог. Утро после

Алиса проснулась от запаха хлеба.

Не крови. Не страха. Не дыма. Хлеба. Тёплого. С хрустящей коркой. С крошками, которые пахли домом. Она открыла глаза. Потолок был низким, деревянным, с тёмными пятнами копоти. Где-то за окном пела птица. Не вампирским чутьём она её слышала — обычным человеческим слухом. И это было странно. Неправильно. Но приятно.

Она повернула голову. Дамир спал рядом, на полу, укрытый старым бабушкиным одеялом. Одеяло пахло травами. Полынью. Мятай. И чем-то ещё. Чем-то, что она не могла назвать. Может быть, покоем.

Она села. Осторожно, чтобы не разбудить. Тело слушалось. Не болело. Не тянуло. Голод, который жил в ней триста лет, молчал. Он не исчез. Он просто стал тише. Как далёкий шёпот. Как эхо. Как воспоминание.

Она посмотрела на свои руки. Бледные. С длинными пальцами. С ногтями, которые больше не казались когтями. Она сжала и разжала кулаки. Чувствовала тепло. Настоящее. Живое. Кожа была тёплой. Не холодной. Не мёртвой. Живой.

Дамир пошевелился. Открыл глаза. Увидел её. Улыбнулся. Его улыбка была другой. Не напряжённой. Не злой. Просто улыбкой. Как у человека, который только что проснулся и увидел что-то хорошее.

— Ты проснулась, — сказал он. Голос был хриплым. Сонным. Живым.

— Ты тоже.

Они смотрели друг на друга. Долго. Молча. И в этом молчании было что-то, чего не было раньше. Что-то, что не нужно было говорить. Что-то, что просто было.

— Как ты? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Дамир. — По-другому. А ты?

— По-другому.

Они засмеялись. Тихо. Чтобы не разбудить бабушку. Но она уже не спала. Она стояла в дверях. Смотрела на них. И улыбалась. В её руках был поднос. На подносе — хлеб. Молоко. Мёд. Сыр.

— Вы долго спали, — сказала она. — Два дня.

— Два дня? — удивилась Алиса.

— Артефакт забирает много сил. Но вы справились. Оба.

Она поставила поднос на стол. Хлеб был ещё тёплым. Алиса взяла ломоть. Откусила. Вкус был простым. Хлебным. Живым. Она жевала медленно. Смакуя. Впервые за долгое время — не кровь. Не страх. Просто хлеб.

— Ешьте, — сказала бабушка. — Вам нужно восстановиться.

Они ели. Молча. Но в этом молчании было что-то новое. Что-то, что было похоже на мир.

После еды Алиса вышла на крыльцо. Доски были старыми. Скрипели под ногами. Пахли смолой. Лес был другим. Не враждебным. Не опасным. Просто лесом. Она слышала, как поют птицы. Как шумит ветер. Как течёт вода в ручье. Она чувствовала запахи. Не только крови. Не только страха. Травы. Цветов. Земли. Жизни.

Она протянула руку и коснулась дерева. Кора была тёплой. Шершавой. Живой. Она чувствовала, как по стволу течёт сок. Как дерево дышит. Как оно живёт.

— Ты чувствуешь? — спросил Дамир. Он стоял рядом. Смотрел на неё. Его глаза были человеческими. Но в них было что-то новое. Что-то, чего не было раньше. Спокойствие.

— Да, — ответила она. — Всё. Всё сразу.

— Я тоже, — сказал он. — Я слышу запахи. Не только зверей. Не только крови. Всё. Я слышу, как пахнет бабушкин хлеб. Как пахнет дым из трубы. Как пахнет трава после дождя. Я никогда не чувствовал этого раньше. Не так.

— А зверь? — спросила Алиса. — Ты его чувствуешь?

Дамир закрыл глаза. Сосредоточился. И Алиса увидела, как что-то меняется в нём. Не сильно. Едва заметно. Его глаза на мгновение стали жёлтыми. Но не злыми. Спокойными. Он открыл глаза. Они снова были человеческими.

— Он здесь, — сказал Дамир. — Но он спит. Я могу его контролировать. Я могу его отпускать. И возвращать. Это... странно. Но хорошо.

— Покажи, — сказала Алиса.

Дамир закрыл глаза. Сосредоточился. И Алиса увидела, как что-то меняется в нём. Его глаза стали жёлтыми. Когти удлинились. Кожа покрылась лёгкой шерстью. Но он не терял контроля. Он смотрел на неё. И улыбался.

— Видишь? — сказал он. — Я могу. Я контролирую.

— А если ты не захочешь возвращаться?

— Я захочу. Потому что там, где я человек, есть ты.

Он закрыл глаза. И вернулся. Глаза снова стали человеческими. Когти втянулись. Шерсть исчезла. Он стоял перед ней. Просто человек. Но с чем-то новым в глазах. С уверенностью.

— А голод? — спросил он в ответ.

— Тише, — ответила Алиса. — Он есть. Но он не управляет мной. Я могу его контролировать. Я могу ждать. Я могу выбирать.

Бабушка вышла на крыльцо. Она смотрела на них. И улыбалась.

— Теперь вы — мост, — сказала она. — Между двумя природами. Между двумя мирами. Вы — те, кто соединяет.

— Это большая ответственность, — сказала Алиса.

— Да, — согласилась бабушка. — Но вы не одни. Вы есть друг у друга. И у вас есть я. Пока я жива.

Они стояли на крыльце. Смотрели на лес. На небо. На мир, который менялся. Медленно. Но неумолимо.

Алиса чувствовала, как что-то внутри неё сжимается. Не страх. Не голод. Что-то другое. Что-то, что было похоже на вопрос. Что дальше? Что они будут делать с этим новым миром? С этой новой жизнью? С этим новым «я»?

Она посмотрела на Дамира. Он смотрел на неё. И в его глазах был тот же вопрос. Но был и ответ. Они найдут его. Вместе.

Ночью Дамир проснулся от того, что его тело горело.

Не от жара. От зверя. Он чувствовал, как тот рвётся наружу. Как когти скребут изнутри. Как глаза желтеют сами собой. Он сел на полу. Сжал кулаки. Попытался дышать. Медленно. Глубоко. Как учила бабушка.

«Ты не зверь. Ты — человек, который может стать зверем. Выбор всегда за тобой».

Он повторял это про себя. Снова и снова. Но зверь не слушал. Он хотел вырваться. Он хотел рвать. Он хотел убивать.

Дамир встал. Осторожно. Чтобы не разбудить Алису. Она спала рядом. На полу. На старом одеяле. Её лицо было спокойным. Не напряжённым. Не злым. Просто спокойным. Как у человека, который знает, что его не обидят.

Он вышел на крыльцо. Ночной воздух ударил в лицо. Холодный. Свежий. Пахло травой и дождём. Он глубоко вдохнул. Потом ещё раз. Потом ещё.

Зверь не отступал. Он рвался. Он требовал. Он хотел.

Дамир спустился с крыльца. Пошёл в лес. Босиком. По холодной земле. По мокрой траве. Он не чувствовал холода. Он чувствовал только зверя. Как тот бьётся внутри. Как тот скребёт. Как тот ждёт.

Он остановился на поляне. Посреди леса. Один. Под луной. Он закрыл глаза. И позволил зверю выйти. Не полностью. Наполовину. Чтобы не потерять контроль. Чтобы не забыть, кто он.

Когти удлинились. Кожа покрылась шерстью. Глаза стали жёлтыми. Он зарычал. Тихо. Не от злости. От боли. От страха. От чего-то, что было сильнее его.

Он стоял на поляне. Один. Под луной. И боролся. С собой. С зверем. С тем, кем он был. И с тем, кем он хотел стать.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Может, больше. Но когда он открыл глаза, зверь отступил. Не исчез. Просто отступил. Как волна, которая разбилась о берег. И ушла обратно в море.

Дамир стоял на поляне. Тяжело дышал. Его руки дрожали. Но он был человеком. Просто человеком. Он вернулся. Снова.

Он услышал шаги. Обернулся. Алиса стояла на краю поляны. Смотрела на него. Долго. Потом она сказала:

— Ты не разбудил меня.

— Я не хотел.

— Я знаю. Но я проснулась. Потому что почувствовала. Твой страх. Твою боль. Твоего зверя.

Она подошла к нему. Близко. Очень близко. Она взяла его за руку. Его пальцы были холодными. Но не мёртвыми. Живыми. Просто холодными. От страха. От холода. От борьбы.

— Ты справился, — сказала она.

— Не знаю. Может, в следующий раз не справлюсь.

— Справишься. Потому что ты не один.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом он улыбнулся. Слабо. Но искренне.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила она. — Мы вместе. Всегда.

Они вернулись в дом. Тихо. Чтобы не разбудить бабушку. Но она уже не спала. Она стояла в дверях. Смотрела на них. И улыбалась.

— Вы справились, — сказала она. — Оба.

— Ты знала? — спросил Дамир.

— Я чувствовала. Я всегда чувствую. Это мой дар. И моё проклятие.

Она подошла к ним. Обняла. Крепко. Долго.

— Вы не одни, — сказала она. — Никогда не забывайте этого.

Они стояли в дверях. Втроём. Смотрели на лес. На небо. На звёзды. И в этом молчании было что-то. Что-то, что было сильнее страха. Сильнее боли. Сильнее ненависти.

Это была любовь.

Глава 1. Первая ссора

Прошло три дня.

Алиса училась жить без голода.

Это было странно. Неправильно. Как будто она всю жизнь носила тяжёлый камень на шее. А теперь его сняли. И она не знала, что делать с лёгкостью. Не знала, куда деть руки. Не знала, как дышать. Полной грудью. Без страха. Без боли. Без голода.

Каждое утро она просыпалась и прислушивалась к себе. Голод был. Но тихий. Как далёкий зверь в клетке. Он не рвался наружу. Он ждал. Она ждала тоже. Она ждала, когда он заговорит. Когда он попросит. Когда он потребует. Но он молчал. И она молчала. И в этом молчании было что-то. Что-то, что было похоже на мир.

Дамир учился жить без страха.

Это было ещё страннее. Всю жизнь он боялся. Себя. Зверя. Людей. Их ненависти. Их презрения. Их страха. А теперь он не боялся. Или боялся меньше. Или боялся по-другому. Не так, как раньше. Не так, как зверь, который ждёт, когда его ударят. А так, как человек, который знает, что может защитить себя. Но не хочет. Потому что защита — это тоже насилие. А он не хотел насилия. Он хотел мира.

Каждое утро он просыпался и проверял себя. Зверь был. Но он спал. Дамир чувствовал его. Как второе сердце. Как второе дыхание. Он мог его разбудить. Мог отпустить. Мог вернуть. Это было странно. Но это было.

Бабушка учила их обоих.

— Ты не должна пить кровь, — говорила она Алисе. — Но ты можешь. Если захочешь. Если будет нужно. Ты не рабыня голода. Ты его хозяйка.

— А если я не смогу остановиться? — спрашивала Алиса. Она сидела на полу. Смотрела на свои руки. На свои пальцы. На свои ногти. Они были нормальными. Но она помнила, какими они были. Острыми. Кровавыми.

— Сможешь. Потому что ты уже останавливалась. Много раз. Ты просто не помнишь.

— А если я не захочу останавливаться?

— Тогда ты станешь тем, кем боишься стать. Но это будет твой выбор. Не мой. Не Дамира. Твой.

Алиса молчала. Она смотрела на огонь. На языки пламени. На угли. На пепел. Она думала о том, что бабушка права. Она всегда права. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо — потому что она знала, что делать. Плохо — потому что иногда она хотела ошибаться. Хотела делать то, что нельзя. Хотела быть не идеальной. А живой.

Дамир учился контролировать зверя. Он закрывал глаза и находил его внутри. Не ярость. Не голод. Просто силу. Он мог её отпустить. И мог вернуть.

— Это как дышать, — говорил он. — Ты не думаешь о том, как дышать. Ты просто дышишь. Так же и со зверем. Ты просто знаешь, что он есть. И он есть.

— А если ты не сможешь вернуться? — спросила Алиса.

— Смогу. Я уже возвращался. Много раз. Я просто не помню.

— А если не помнишь, значит, не возвращался.

Дамир молчал. Он смотрел на неё. Долго. Потом он сказал:

— Ты права. Я не всегда возвращался. Иногда я оставался там. В лесу. В звере. И не помнил, как вернуться. Но теперь я помню. Потому что есть ты.

Алиса улыбнулась. Слабо. Но искренне.

Вечером бабушка позвала их к себе.

Она сидела у камина. В её руках была старая книга. Потрёпанная. С пожелтевшими страницами. Она открыла её. И начала читать.

— Это дневник твоей матери, — сказала она Алисе. — Элины. Она писала его, когда была беременна тобой. Я не читала. Не могла. Слишком больно. Но теперь ты можешь. Может быть, там есть ответы. Может быть, нет. Но это твоё. Твоя история. Твоя кровь.

Алиса взяла книгу. Она была тяжёлой. Не физически. Душевно. Она чувствовала запах матери. Травы. Молоко. Что-то ещё. Что-то, что она не могла назвать.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что. Я просто отдаю то, что принадлежит тебе.

Бабушка вернулась к камину. Села. Взяла травы. Продолжила перебирать. Долго. Молча. Потом она сказала:

— Я тоже была в плену. Давно. Когда была молодой. Охотники схватили меня. Держали в серебряных цепях. Пытали. Хотели узнать, где прячутся другие полукровки.

Алиса подняла голову. Посмотрела на бабушку. Долго. Потом она сказала:

— Как ты выжила?

— Я не выжила. Я умерла. Там. В подвале. А потом родилась заново. Из боли. Из страха. Из ненависти. Я выжила, потому что хотела отомстить. А потом поняла, что месть не приносит ничего, кроме новой боли. И тогда я начала жить. По-настоящему. Не для мести. Для себя. Для тебя. Для Дамира.

Она замолчала. Смотрела на огонь. Долго. Потом она сказала:

— Я знаю, что ты боишься. Я тоже боялась. Каждый день. Каждую минуту. Но страх — это не слабость. Это доказательство того, что ты жива. Монстры не боятся. Они не сомневаются. Они просто делают. А ты сомневаешься. Значит, ты человек.

Алиса смотрела на неё. Долго. Потом она сказала:

— Спасибо.

— Не за что, — ответила бабушка. — Я просто говорю то, что знаю. А знаю я немного. Но достаточно.

Но однажды они поссорились.

Это случилось вечером. Бабушка ушла в лес за травами. Алиса и Дамир остались одни. Они сидели у камина. Молчали. Огонь трещал. Пахло дымом и травами. За окном шумел лес.

— Ты всё ещё хочешь убить их? — спросила Алиса.

— Кого?

— Охотников. Тех, кто напал на бабушку. Тех, кто хотел убить нас.

Дамир молчал. Долго. Потом он сказал:

— Да.

— Почему?

— Потому что они хотели убить тебя. И её. И меня. Потому что они не остановятся. Потому что они не понимают слов.

— Но мы не можем отвечать насилием на насилие. Мы не можем стать такими же, как они.

— А что мы можем? — спросил Дамир. — Говорить? Убеждать? Пока они точат ножи? Пока они убивают наших? Пока они жгут дома?

— Мы можем показать им другой путь.

— Ты наивна.

— А ты жесток.

Дамир замолчал. Он смотрел на огонь. Его глаза начали желтеть. Не от злости. От боли. Он чувствовал, как зверь просыпается. Как когти удлиняются. Как внутри него поднимается что-то тёмное. Что-то голодное. Что-то, что хотело рвать.

Он встал. Подошёл к окну. Смотрел на лес. Долго. Потом он сказал:

— Я не жесток. Я просто устал терять. Я потерял мать. Я потерял отца. Я потерял себя. Я не хочу потерять тебя. И если для этого нужно убивать — я буду убивать.

— А если я не хочу, чтобы ты убивал? — спросила Алиса. — Если я не хочу, чтобы ты стал монстром?

— Я не стану монстром.

— Станешь. Если убьёшь. Однажды. Дважды. Трижды. И потом уже не сможешь остановиться.

Дамир повернулся. Он смотрел на неё. Долго. Потом он подошёл. Сел рядом. Взял её за руку. Его пальцы дрожали. Не от злости. От страха.

— Я не знаю, как иначе, — сказал он. — Я не умею иначе. Я всю жизнь дрался. Я всю жизнь убивал. Я не знаю, как быть человеком.

— Я тоже не знаю, — ответила Алиса. — Но я учусь. Каждый день. Каждую минуту. И ты можешь научиться. Если захочешь.

Дамир молчал. Он смотрел на огонь. Потом он сказал:

— Я попробую. Но если не получится — не вини меня.

— Не вини себя, — ответила Алиса. — Вот что важно.

Они сидели у камина. Держались за руки. Молчали. И в этом молчании было что-то новое. Что-то, что было похоже на прощение.

На следующий день Алиса проснулась от того, что её тело горело. Не от жара. От голода. Резкого. Жгучего. Как будто внутри неё открылась бездонная яма, которая требовала крови. Она схватилась за горло. Её клыки удлинились сами собой. Глаза засветились алым.

Она встала. Осторожно. Чтобы не разбудить Дамира. Но он уже не спал. Он смотрел на неё. Его глаза были жёлтыми. Не от злости. От страха.

— Что с тобой? — спросил он.

— Голод, — прошептала она. — Он вернулся. Сильнее, чем раньше.

— Что делать?

— Не знаю. Я не хочу пить кровь. Но я не могу остановиться.

Дамир встал. Он подошёл к ней. Медленно. Осторожно. Как к раненому зверю. Он взял её за руку. Его пальцы были тёплыми. Живыми.

— Дыши, — сказал он. — Просто дыши. Я рядом.

— Я не могу. Он сильнее меня.

— Нет. Ты сильнее. Ты просто забыла.

Он закрыл глаза. Сосредоточился. И Алиса увидела, как что-то меняется в нём. Его глаза стали жёлтыми. Когти удлинились. Но он не терял контроля. Он смотрел на неё. И улыбался.

— Видишь? — сказал он. — Я могу. Ты тоже можешь.

Алиса смотрела на него. На его глаза. На его когти. На его улыбку. И чувствовала, как голод отступает. Медленно. Неохотно. Но отступает.

— Как ты это сделал? — спросила она.

— Я не сделал. Ты сделала. Ты просто перестала бояться.

Она улыбнулась. Слабо. Но искренне.

— Спасибо.

— Не за что.

Они сели на пол. Держались за руки. Молчали. И в этом молчании было что-то. Что-то, что было сильнее голода. Сильнее страха. Сильнее ненависти.

Это была любовь.

Бабушка вернулась поздно. Она принесла травы, коренья, грибы. Пахло землёй и дождём. Она посмотрела на них. Долго. Потом она сказала:

— Вы поссорились.

— Да, — ответила Алиса.

— Из-за чего?

— Из-за того, что он хочет убивать, а я не хочу.

Бабушка села напротив. Она разложила травы на столе. Начала их сортировать. Движения были медленными. Точными. Как у человека, который делал это тысячу раз.

— Ты не хочешь убивать, — сказала она. — А он хочет. Это нормально. Вы разные. Вы всегда будете разными. В этом и есть ваша сила.

— Но как нам быть вместе, если мы такие разные?

— А вы уже вместе. Несмотря на то, что разные. Не благодаря. А вопреки. Это и есть любовь.

Алиса молчала. Бабушка продолжала сортировать травы.

— Знаешь, — сказала она, — когда я была молодой, я тоже хотела убивать. Я убивала. Много. Я думала, что это делает меня сильной. Но это делало меня пустой. Пока я не встретила Ивора. Он не хотел убивать. Он хотел жить. И он научил меня жить. Не сразу. Через боль. Через слёзы. Через ошибки. Но научил.

— И ты не жалеешь?

— Жалею. О многом. Но не о том, что встретила его. Не о том, что родила Дамира. Не о том, что оставила его. Потому что это было правильно. Трудно. Больно. Но правильно.

— Как ты понимаешь, что правильно?

— Никак. Ты просто делаешь выбор. И живёшь с ним. И если он был неправильным — исправляешь. Если можешь. Если нет — просишь прощения. У себя. У других. У мира.

Алиса смотрела на бабушку. Долго. Потом она сказала:

— Я боюсь.

— Чего?

— Что не справлюсь. Что не смогу. Что стану монстром.

— Ты не станешь. Потому что ты боишься. Монстры не боятся. Они не сомневаются. Они просто делают. А ты сомневаешься. Значит, ты человек.

Алиса улыбнулась. Слабо. Но искренне.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — ответила бабушка. — Я просто говорю то, что знаю. А знаю я немного. Но достаточно.

Они сидели за столом. Пахло травами. За окном шумел лес. И в этом шуме было что-то. Что-то, что было похоже на покой.

Глава 2. Первый день пути

Они ушли через неделю.

Бабушка не провожала их до околицы. Она стояла на крыльце. Смотрела. И улыбалась. В её глазах были слёзы. Но она не плакала. Она просто смотрела. Как человек, который знает, что прощается навсегда. Или на время. Но не знает, на сколько.

Алиса обняла её. Крепко. Долго. Она чувствовала запах бабушки. Травы. Хлеб. Дым. Дом. Она хотела запомнить этот запах. Навсегда. Чтобы потом, когда будет трудно, вспоминать. И держаться.

— Я вернусь, — сказала она.

— Не обещай, — ответила бабушка. — Просто живи.

Дамир подошёл. Он не обнял её. Он просто стоял. Смотрел. Потом он сказал:

— Спасибо. За всё. За то, что ты сделала. За то, что ты есть.

Бабушка улыбнулась. Слабо. Но искренне.

— Это я должна вас благодарить. Вы — моя надежда. Вы — моё чудо. Не забывайте этого. Они ушли на рассвете. Алиса несла красный плащ. Дамир нёс мешок с едой. Они не знали, куда идут. Они просто шли. Впервые за долгое время — не от кого-то. А к чему-то.

Лес расступался перед ними. Небо светлело. Где-то впереди занималась заря. Маленькая. Тихая. Но настоящая.

— Что теперь? — спросила Алиса.

— Теперь мы идём в мир, — ответил Дамир. — И показываем всем, что возможен другой путь.

— А если не получится?

— Получится. Потому что мы вместе.

Они шли вперёд. Не оглядываясь. Лес остался позади. Впереди были поля. Дороги. Города. Люди. Жизнь.

Первый день пути был тихим. Слишком тихим. Как будто лес затаил дыхание. Как будто он ждал. Чего-то. Или кого-то.

Алиса шла первой. Она чувствовала запахи. Не только травы и земли. Но и что-то ещё. Что-то, что было похоже на страх. Давний. Застарелый. Как будто кто-то прошёл здесь много лет назад. И оставил свой страх. Как след.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

— Да, — ответил Дамир. — Кто-то был здесь. Недавно. Может, неделю назад. Может, две.

— Кто?

— Не знаю. Но они боялись. Очень боялись.

Они шли дальше. Молча. Смотрели по сторонам. Слушали. Ждали.

К вечеру они остановились на ночлег. Развели костёр. Сели рядом. Смотрели на огонь. Молчали. Потом Дамир сказал:

— Я чувствую его.

— Кого?

— Зверя. Он просыпается. Каждый вечер. Как будто ждёт, когда стемнеет. Когда я устану. Когда я не смогу его контролировать.

— Ты сможешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты уже контролировал. Много раз. Ты просто не помнишь.

Дамир молчал. Он смотрел на огонь. Его глаза начали желтеть. Не от злости. От борьбы. Он сжал кулаки. Попытался дышать. Медленно. Глубоко. Как учила бабушка.

«Ты не зверь. Ты — человек, который может стать зверем. Выбор всегда за тобой».

Он повторял это про себя. Снова и снова. Зверь не отступал. Он рвался. Он требовал. Он хотел.

Дамир встал. Отошёл от костра. В темноту. Алиса не остановила его. Она знала, что он должен справиться сам. Но она пошла за ним. Тихо. На расстоянии. Чтобы быть рядом. Если понадобится.

Дамир остановился на поляне. Посреди леса. Один. Под луной. Он закрыл глаза. И позволил зверю выйти. Наполовину. Чтобы не потерять контроль. Чтобы не забыть, кто он.

Когти удлинились. Кожа покрылась шерстью. Глаза стали жёлтыми. Он зарычал. Тихо. Не от злости. От боли. От страха. От чего-то, что было сильнее его.

Он стоял на поляне. Один. Под луной. И боролся. С собой. С зверем. С тем, кем он был. И с тем, кем он хотел стать.

Алиса смотрела на него. Из темноты. Не подходила. Не мешала. Просто смотрела. И ждала.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Может, больше. Но когда он открыл глаза, зверь отступил. Не исчез. Просто отступил. Как волна, которая разбилась о берег. И ушла обратно в море.

Дамир стоял на поляне. Тяжело дышал. Его руки дрожали. Но он был человеком. Просто человеком. Он вернулся. Снова.

Алиса вышла из темноты. Подошла к нему. Близко. Очень близко. Она взяла его за руку. Его пальцы были холодными. Но не мёртвыми. Живыми. Просто холодными. От страха. От холода. От борьбы.

— Ты справился, — сказала она.

— Не знаю. Может, в следующий раз не справлюсь.

— Справишься. Потому что ты не один.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом он улыбнулся. Слабо. Но искренне.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила она. — Мы вместе. Всегда.

На третий день они наткнулись на деревню. Маленькую. Серую. С покосившимися заборами и колодцем в центре. Над трубами вился дым. Где-то лаяла собака. Пахло рыбой и мокрой землёй. У берега лежали перевернутые лодки, чёрные от смолы. Вода в реке была тёмной, медленной, и в ней отражалось небо — серое, низкое, тяжёлое.

Алиса остановилась. Она смотрела на деревню. Долго. Потом сказала:

— Здесь кто-то есть.

— Здесь всегда кто-то есть, — ответил Дамир. — Это деревня.

— Нет. Я чувствую что-то другое. Не людей. Не животных. Что-то... неправильное.

Дамир принялся. Его ноздри раздувались. Глаза на мгновение стали жёлтыми. Потом снова человеческими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.